

Мо Чанкун настороженно сказал:

— Я не знаю...

С момента, как его сердце охватил демон, он ощущал себя странно. То ясность сознания, то полное замешательство, он часто не понимал, что делает.

— Иллюзии, созданные сердечным демоном, слишком хитроумны. Я был на грани, но уже справился, — попытался оправдаться он, стремясь вернуть доверие. — Я не сошел с ума, просто плохо контролирую свои желания.

Он ни за что не признается, что с ним что-то не так...

— Старший брат, ты не в порядке, — Хэ Цзиньнянь безжалостно сорвал его тонкую завесу самообмана, не оставив ни малейшего сомнения в словах. — Ни один нормальный человек не будет держать в руках труп тысячу лет, пока тот не превратится в прах. Ты давно сошел с ума!

Мо Чанкун отрицал:

— Это не так!

Звезды уже давно скрылись, холодный ветер пробежал по платформе для испытаний меча, вырезанной с подножья горы, напоминающей Пик Уцзянь. В это мгновение казалось, что время повернулось вспять.

— В тот день, когда тебя потащили на Платформу для казни демонов, наш шизун пытался заступиться за тебя... — Хэ Цзиньнянь спокойно продолжал рассказывать о том, что случилось тогда. — Шизун передал всю свою силу А-Сую и вырезал из своего тела мечевую кость, чтобы отдать ее мне... А-Суй был слишком мал, он не понимал, что шизун уходит, и без конца плакал, с ним было невозможно договориться. Поэтому шизун рассказал правду только мне... Он сказал, что ты сошел с ума...

Времени у шизуна оставалось мало, и он изложил все крайне лаконично.

Сначала шизун считал, что виноват в случившемся сам. Он отчаянно пытался найти лекарство от нейдана демонической овсянки, искал его повсюду. Он никогда раньше не сталкивался с подобной ситуацией, да и не знал, как должны развиваться отношения между мужчинами, боялся запятнать доброе имя Пика Уцзянь, стыдился, терялся и пытался скрыть правду. Но он так и не заметил, что Мо Чанкун также начал прятать свое безумие.

Когда шизун заметил неладное, было уже поздно. Мо Чанкун больше не понимал его слов.

— Он сошел с ума. Его сознание то проясняется, то затуманивается. Он уверен в каких-то странных вещах, говорит бессвязные слова или искажает мои намерения, с ним невозможно нормально общаться, — утвердительно сказал шизун. — Я проверял, яд демонической овсянки не мог оказать столь сильного влияния. Чанкун — человек с простым складом ума... Он не мог придумать такой сложный план, начиная с установки ловушки, до предательства и хаоса на горе Яньшань — во всех этих событиях как будто кто-то стоял за его спиной и вел его. И к тому же... откуда он научился всем тем грязным вещам в постели?

Однажды, когда Мо Чанкун был в более-менее ясном состоянии, шизун осторожно завел этот разговор.

Мо Чанкун ответил:

— Шизун, это ты меня научил. Ты сам сказал, что любишь меня... просил, чтобы я полностью удовлетворил тебя.

Его восприятие действительности было серьезно искажено.

Однако, даже если это галлюцинации, для того чтобы создать ложную реальность, нужно понять ее природу. Внешность Мо Чанкуна казалась опасной, но на самом деле он был холоден и бесстрашен, не посещал публичных домов и не пил цветочного вина. Он никогда не интересовался подобными картинками и рассказами. Даже если в нем пробуждались желания, они проявлялись скорее как инстинкты зверя, как при первом извержении вулкана. Однако, его искусство в постели прогрессировало невероятно быстро. Он знал все возбуждающие приемы, говорил пошлости, как опытный обитатель публичного дома, хотя никто не знал, откуда у него такие навыки.

В этом было что-то странное.

Когда шизун вспоминал все произошедшее, он понимал, что что-то было не так. Он сдерживал свое чувство стыда и пытался оправдаться, но его ученики считали, что он потерял всякую честь, что его разум был искажен и поработен учеником. У него не было доказательств в пользу своих догадок, и его еще и высмеивали враги.

Он пытался убедить всех, что Мо Чанкун сошел с ума, но окружающие считали, что это сам шизун обезумел в своих попытках оправдаться. Друзья советовали ему молчать, чтобы не разрушать свою репутацию, никто не хотел верить ему.

Что касается преступления на Яньшане, то улики были неопровержимы.

Решение Небесного Пути должно было быть исполнено.

- Я не уверен в истине происходящего и у меня больше нет времени искать ответы.

Цзиньнянь... прости, но я не могу позволить, чтобы Чанкун был уничтожен, я не могу его бросить, - шизун умолял Хэ Цзиньняня в последний раз, - Тюрьма на тысячу лет, запечатывание демонической энергии, насильственное уничтожение корня желаний может вернуть ему частичку разума. Когда он выйдет на свободу, помоги ему...

Шизун решил пожертвовать собой ради будущего Мо Чанкуна.

Хэ Цзиньнянь спросил:

- Почему?

Шизун ответил:

- Потому что он — это Чанкун...

Хэ Цзиньнянь не понимал.

Шизун долго думал, прежде чем объяснить:

- Меч не бывает ни добрым, ни злым. Он может быть орудием массовых убийств или стать священным оружием, охраняющим горы и реки. Когда меч обретает дух, это невероятное и редчайшее явление. Я — мастер меча... Ты представляешь, какое волнение я испытал, увидев Чанкуна? Он был ослепителен, даже стоя передо мной грязный и измученный, он был самым совершенным существом, настоящей живой легендой. Я был готов отдать все, чтобы защитить его, любить его, очистить от грязи и наточить как клинок, чтобы он смог достичь небес.

- Чанкун не должен был стать таким.

- Он не был таким мечом...

- Цзиньнянь, помоги ему...

- Он должен быть священным мечом, охраняющим горы и реки.

«...»

Хэ Цзиньнянь был человеком сдержанным и не любил рассказывать истории, но, вспоминая события тех лет, не мог не испытать внутреннего волнения. После того как он постиг Путь Меча и обрел меч Лунного Сияния, он понял сердце меча и, вспоминая прошлое, начал осознавать правоту слов шизуна.

Мо Чанкун появился из лужи крови, пропитанный скверной. Он был невежествен и беспомощен, и когда впервые оказался перед людьми, его восприняли как чудовище-людоеда. Его ненавидели, боялись, отвергали, и даже нападали на него... Его положение было хуже, чем у нищего, он никогда не получал ни малейшего проявления доброты или милосердия, только отвращение и преследование.

Меч отвечает злом на зло, нападением на нападение. Он отталкивал мир, не понимая, как взаимодействовать с людьми, его сущность была покрыта острыми шипами, и он настороженно относился ко всему вокруг. Любая угроза или опасность вызывали у него многократную ответную агрессию. Одиночество и жестокость, проявляемые им, лишь подтверждали ужасные мнения людей о нем.

Шизун с величайшей заботой, шаг за шагом, сглаживал его острые углы, направлял его, помогая адаптироваться к этому миру, освобождал от озлобленности, раскрывал истинное сердце, учил смеяться и радоваться. И, казалось, все должно было завершиться успешно...

Меч медленно менялся под незаметным наставничеством, учился чувствовать, но из-за этих чувств попал в ловушку, был подчинен и превращен в оружие убийства. Шизун погиб, меч был разрушен...

- Шизун был прав, старший брат, в глубине души ты не злой человек, — Хэ Цзиньнянь тихо вздохнул, с горечью улыбаясь, - Хотя ты всегда говорил, что ненавидишь меня и А-Суя, был груб, но все же ты создал для меня подходящий для смертных боевой круг, привел в порядок мечевой трактат, исправил мои ошибки в техниках владения мечом. Когда ты уходил, ты всегда следил за передвижениями А-Суя и возвращал его, если он заблудился...

Мо Чанкун машинально возразил:

- Нет, это шизун заставил меня это делать.

Шизун всегда говорил о сплоченности и братской любви, наставлял заботиться о младших учениках. Он боялся, что Цзиньнянь слишком слаб и опозорит Пик Уцзянь, а также боялся, что с А-Суем случится что-то плохое, и это огорчит шизуна, поэтому нехотя помогал.

- Старший брат, в самые отчаянные моменты ты просил нас о помощи, но мы этого не заметили... — Хэ Цзиньнянь опустил голову с чувством вины, - Ты — величайший гений, обладающий врожденным сердцем меча, тебе все давалось легко. А я — бездарь, как ни старался, никак не мог овладеть трактатами по искусству меча шизуна. Поэтому я завидовал тебе и ненавидел тебя. И когда ты хотел поделиться своими трудностями, я был нетерпелив и не обратил должного внимания, не заметил, что с твоими эмоциями что-то не так...

Мо Чанкун не был силен в выражении мыслей, к тому же ему было сложно говорить об этом, поэтому когда он сбивчиво выдал свои слова, Хэ Цзиньнянь, решив, что это чужие проблемы, даже не дослушал и просто бросил: «Такой мусор заслуживает смерти».

Возможно, это стало последней соломинкой, сломавшей старшего брата. Он больше никогда не просил помощи, погрузившись в ад и впав в безумие.

Мо Чанкун снова возразил:

- Я не просил.

Он знал, что был неправ, что должен был умереть, но не мог расстаться с шизуном. Он действительно осознал свою ошибку, но не мог уйти от шиузан и не знал, что делать дальше.

Хэ Цзиньнянь мягко сказал:

- Ты не виноват, ты просто болен.

Мо Чанкун с недоумением посмотрел на него.

- Прости нас, мы слишком поздно это поняли. В переданной А-Суем нефритовой табличке было подтверждение правоты шизуна, — Хэ Цзиньнянь протянул руку и обнял брата, пытавшегося вырваться из бездны, крепко прижал его к себе. Это было объятие, опоздавшее на тысячи лет, объятие, скрывавшее в себе тысячелетнее чувство вины, - Ты серьезно болен. Не бойся, не ужасайся. Не нужно переносить боль в одиночку. Позволь нам помочь тебе, хорошо?

Это были самые стойкие и преданные слова.

Мо Чанкун не привык к таким проявлениям чувств. Он стоял неподвижно, неуклюже похлопал младшего брата по плечу и после долгих размышлений наконец вспомнил слова, которым когда-то его учил шизун:

- Спасибо.

На небе висел Северный ковш, указывая путь. Каждая звезда сияла ярко. Вдалеке виднелись огни города. Ветер был холодным, но в нем чувствовался аромат сосны и белой сливы, разгоняющий зловонный запах Чистилища, засевший в ноздрях.

Он ощутил дыхание жизни.

На сердце стало немного легче.

...

В зале собраний Школы Ицзюнь.

Хэ Цзиньнянь уже давно распустил всех и рассказал шизуну о результатах расследования. Разум Мо Чанкуна все еще не мог выдержать потрясений — он слишком глубоко сожалел о прошлом. Его чувства стали источником его одержимости, и пока он не был готов столкнуться с ними и своими преступлениями, иначе это могло вызвать новый всплеск демонической одержимости и привести к очередному краху.

Это не очень хорошо для выяснения истины. Взрывное устройство с таймером лучше всего обезвреживать перед тем, как оно сдетонирует.

Хэ Цзиньнянь понимал намерения своего шизуна: вместо того чтобы вновь погружаться в тягостные события прошлого, шизун точно не желал бы видеть старшего брата, страдающего от приступов безумия. Поэтому Хэ Цзиньнянь временно обошелся намеками, представив предательство как дерзость против старшего и тяжелое ранение шизуна, совершенное под влиянием непростительной ошибки. Он сосредоточил внимание на том, что старший брат страдает от демонов в сердце и от катастрофы, произошедшей на горе Яньшань.

Когда Мо Чанкун сознался, его слова несли в себе тень желания смерти. Какие бы обвинения ему ни предъявляли, он принимал их без колебаний, хотя в его поведении присутствовали значительные отклонения. Его сердечные демоны захватили разум слишком быстро и слишком яростно, что не соответствовало нормальному постепенному развитию, а его видения отличались нелогичными и странными образами, будто он находился под чьим-то контролем.

Лу Юньчжэнь с сомнением спросил:

- У Чанкуна демоны в сердце? Он может сойти с ума?

- Шизун, не волнуйся. У безумца есть свои способы решения проблем, — Мо Чанкун позвенел цепью на запястье, успокаивая его, - Эта цепь сопровождала меня тысячелетиями, она подавляет мою силу. Я превратил ее в артефакт не для того, чтобы использовать как оружие, а чтобы сохранять разум в моменты безумия.

Он не мог быть уверен, когда именно потеряет контроль. Однако если у него возникнет желание или поступок, угрожающий шизуну, цепь подаст сигнал. Если сигнал не сработает, она затянется сильнее, сокрушит его кости, врежется в плоть и полностью обуздает его тело.

Именно это и стало причиной, по которой Хэ Цзиньнянь согласился оставить его.

Мо Чанкун серьезно предостерег:

- Шизун, если однажды вы увидите, что цепь действует сама по себе и удерживает меня, значит, мои демоны активизировались, и я могу навредить. Не раздумывайте, бегите как можно дальше и ни в коем случае не возвращайтесь. Не волнуйтесь, со мной все будет в порядке, я дам знать А-Сую, как только восстановлюсь.

Лу Юньчжэнь, заметив его беспокойство, согласился.

- События на горе Яньшань я помню смутно, — Мо Чанкун отчаянно пытался восстановить в памяти происходившее, — Кто-то сказал мне, что там находится сокровище, способное исполнить любые желания, обратить время вспять, вернуться в начало...

Это была его отчаянная попытка все исправить.

Потеряв рассудок от сильнейшего желания, он рвался к призрачному объекту, его мощь почти разрушила весь горный хребет... В результате гора Яньшань, долгое время дремавшая, пробудилась, и потоки лавы уничтожили девять городов.

Мо Чанкун тихо пробормотал:

- Я не знал, что внутри горы Яньшань была лава. Я сам рассек этот хребет. Это моя вина.

Шизун учил его: если совершил ошибку, ее нужно признать. Хотя он не сделал это намеренно, последствия были поистине катастрофическими. Поэтому он не пытался избежать своей вины.

Хэ Цзиньнянь спросил:

- А что насчет того друга, которого звали Минь Цзинь?

Мо Чанкун вспомнил:

- Когда я рассекал горный хребет, он пытался меня остановить, и я сбросил его в лаву.

Хэ Цзиньнянь сказал:

- Я проведу расследование этого дела.

Методы истинного виновника были хитроумны: он умело использовал слабые стороны души, толкая к преступлению, не оставив при этом никаких улик. Приговор уже был вынесен, и пересмотреть его теперь было бы невероятно сложно.

Все молчали.

- Ха-ха-ха-ха!

Внезапно Лу Юньчжэнь рассмеялся, нарушив гнетущую тишину:

- Не грустите, все уже прошло. Все на Пике Уцзянь живы. Кроме того, я думаю, это хорошая возможность.

Двое учеников были слегка озадачены.

— Хотя я не знаю, из-за какой глубокой ненависти убийца хотел полностью уничтожить Чанкуна, его целью был не я, — объяснил Лу Юньчжэнь. — Моя жертва спутала его планы. Чанкун не умер, и, возможно, в его сердце остались какие-то следы. Его держали в Чистилище, закованного цепями, с надежной охраной. Убийца не мог добраться до него. Но теперь, когда он на свободе, если убийца все еще жив, я считаю, он снова предпримет попытку.

Как можно успокоиться, когда над тобой висит такое тяжкое обвинение, и не убраться свидетеля?

После выхода из тюрьмы Мо Чанкун никуда не пошел — он сразу же оказался рядом с шизуном. Оба они уже попали в поле зрения зала Яньло, хозяин которого наблюдал за ними неотрывно, не давая возможности действовать. Более того, у убийцы не было сил одолеть Мо Чанкуна в открытой схватке. Скорее всего, он снова будет действовать втихаря, по старой схеме.

— Теперь наша секта едина. У нас есть сила, у нас есть связи, у нас есть ум, у нас есть харизма. Если этого недостаточно, мы можем обратиться за помощью к небесам или земле. Мы обязательно уничтожим этого ублюдка!

Лу Юньчжэнь со злостью ударил по столу:

— Покажем ему! Как он посмел обидеть моего ученика!

<http://bllate.org/book/13607/1206744>